

На правах рукописи

Каличкина Тамара Игоревна

**ИРОНИЯ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

АВТОРЕФЕРАТ

**Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Специальность – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Москва – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» на кафедре общего и русского языкознания

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Боженкова Наталья Александровна

Официальные оппоненты:

Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет», кафедра русского языка и литературы, профессор

Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра управления персоналом, доцент

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (г. Волгоград)

Защита состоится «16» февраля 2023 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.292.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» по адресу: 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» и на официальном сайте: <http://www.pushkin.institute>

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»: https://pushkin.institute/science/dissovet/detail.php?ELEMENT_ID=32356

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Китанина Элла Анатольевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень разработанности темы исследования

Феномен *иронии*, несмотря на многовековое его изучение, до настоящего времени сохраняет статус исследовательской лакуны. Вместе с тем в условиях современного поликультурного мира именно *ирония* оказывается наиболее частотным способом дискурсивной репрезентации отношения коммуникантов к действительности. Активное «включение» иронического модуса в широкое социокоммуникативное пространство становится стимулом для её исследования как маркера институционального взаимодействия: можно утверждать, что иронический контекст в последнее десятилетие «окутывает» практически все типы/виды социальных интеракций. Ирония, «обрамляющая» институциональное общение, детерминирует рождение новых смысловых оттенков коммуникации, тем самым возникает необходимость в поиске новых векторов анализа столь многогранного явления.

Так, феномен иронии рассматривается через призму большинства общественных наук – философии¹, психологии², социологии³, политологии⁴, культурологии⁵, эстетики⁶ и др.; ирония является значимым параметром для классических видов искусства – литературы, театра, живописи. Вербально закрепленное «ироническое отношение» к реальности, приобретающее всеобъемлющий характер в контексте новой интегративной среды, обуславливает новый виток лингвистического интереса к определению фонетико-фонологических, лексических, синтаксических и – шире – текстуальных средств выражения иронии и тенденций развития этого феномена⁷, особенно в тех сферах коммуникации, которые исторически и «канонически» не должны демонстрировать иронический модус и ироническую рефлексия происходящего и к числу которых, бесспорно, относится сфера политического взаимодействия.

Важно отметить, что политический дискурс как публичная коммуникативная сфера и «политический язык» как его базис обладают рядом отличительных особенностей. Наиболее точно языковой компонент политики охарактеризовала Р. Водак: «Он находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. И должен выполнять противоречивые функции, в частности должен быть доступен для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [Водак, 1998, с. 24]. Несомненно, что вербальные средства передачи информации специфичны для каждого политика: они

¹ См. работы Н. С. Бандурина, С. Г. Биченко, С. Ф. Денисова, Ю. А. Кирюхина, А. А. Серебрякова и др.

² См. работы М. В. Борденко, Е. Чурсиной, М. Штейна, З. Фрейда, О'Коннелла и др.

³ См. работы Д. К. Андерсона, Т. Веблена, А. В. Дмитриева, Д. Раскова, У. У. Шеррока и др.

⁴ См. работы Р. Водак, В. А. Глухих, М. Р. Желтухиной, В. И. Карасика, В. И. Шаховского и др.

⁵ См. работы Р. И. Александрова, О. А. Коноваловой, А. В. Михайлова, И. А. Семёнова, А. А. Сычева и др.

⁶ См. работы М. М. Бахтина, Н. Я. Берковского, А. Ф. Лосева, В. М. Пивоева, В. П. Шестакова и др.

⁷ См. работы И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюновой, Ю. В. Архангельской, А. Н. Баранова, Р. М. Блакара, Г. Вайнрайха, Б. А. Гомлешко, Г. П. Грайса, О. П. Ермаковой, Ю. В. Каменской, Е. С. Кубряковой, Д. Мюкке, О. Я. Палкевича, М. В. Пивоева, С. И. Походни, Н. К. Салиховой, М. А. Слепцовой, А. С. Смирнова, Ж. Е. Фомичевой, И. Б. Шатуновского и др.

зависят от культурно-исторического контекста, политической ситуации, целей и методов ее достижения и др., однако, как утверждал П. Б. Паршин, «для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин, 1987, с. 401].

В этой связи естественным оказывается тот факт, что выступления современных политиков экспрессивно и эмоционально окрашены. Неслучайно В. И. Шаховский писал: «Народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным, манипулирование общественным сознанием власть осуществляет при помощи языка» [Шаховский, 2008, с. 265].

Соответственно, ирония, будучи неотъемлемой частью идиоэтнической организации универсума, оказывается значимым компонентом политических интеракций, при этом *способы языковой экспликации иронического кода высказывания* характеризуются определенной спецификой. Так, вербальные знаки политического дискурса имеют ряд отличий от языка повседневного: нередко языковые единицы политического поля «приобретают» нетипичную для них интерпретацию и наполняются противоположным смыслом, поскольку в политическом тексте содержится не только и не столько эксплицитно выраженный смысл, сколько прямо противоположный ему, зачастую являющийся единственно истинным (что в понимании античных философов и есть суть *иронии*). Представляется, что синергетический анализ различных видов современного российского политического дискурса, направленный на выявление и характеристику способов создания и рефлексии иронического модуса коммуникативных практик, объединенных определенными идеологическими установками, позволит вычленить, описать и систематизировать не только принципы трансляции ценностных ориентиров определенного общества, но и систему языковых средств, эксплицирующих лингвокультурную устроенность русскоязычного универсума, что в совокупности свидетельствует об **актуальности** темы данной диссертационной работы.

Целью настоящего исследования является комплексное лингвокультурологическое описание системы знаковых единиц, экзemplицирующих категорию иронии, как конвергентных конститuentов современного российского политического дискурса.

Достижение поставленной цели предполагает решение **следующих задач**:

- рассмотреть понятие иронии в свете мультидисциплинарных подходов; проанализировать современные тенденции изучения иронии через призму лингвистического, этнокультурного и социального векторов исследования;
- описать категориальные признаки иронии с характеристикой ее отличительных свойств от других феноменов комического (остроумия, юмора, парадокса, пародии, сатиры, сарказма и гротеска);
- изучить лингвокогнитивные и лингвопрагматические механизмы формирования иронического кода высказывания у автора и восприятия его реципиентом;
- рассмотреть принципы и базисные механизмы организации и реализации политических дискурсивных практик как важнейшей разновидности институционально-персональной коммуникации;

- провести комплексный анализ текстовых единиц российского политического дискурса в свете трансформации современного коммуникативного пространства с выявлением новых прагматико-семасиологических характеристик;
- осуществить компонентный и контекстуальный анализ знаковых средств выражения иронии в различных политических интеракциях;
- описать алгоритмы употребления вербальных и невербальных единиц, эксплицирующих категорию иронии в политических дискурсивных практиках, с последующей их таксономизацией;
- систематизировать лингвокультурные маркеры реализации иронии в сфере политического взаимодействия и проанализировать причины неправильного декодирования вербальных конструкторов, детерминирующих коммуникативные риски политических интеракций.

Объектом исследования является совокупность вербальных средств и композиционно-языковых конструкторов, принадлежащих к различным ярусам русской языковой системы и являющихся маркерами иронического контекста современных политических интеракций.

Предметом исследования выступают лингвокогнитивные, лингвосемасиологические, лингвопрагматические механизмы экспликации иронического кода в российском политическом дискурсе, манифестирующего специфику лингвокультурной организации русскоязычной логосферы.

Материалом исследования послужили скрипты выступлений политических деятелей РФ (В. В. Путина, С. В. Лаврова, М. В. Захаровой, В. В. Жириновского, Д. А. Медведева, М. М. Касьянова и др.) и представителей СМИ (И. А. Варламова, М. С. Симоньян, И. А. Урганта, К. А. Собчак) в период с 2018 г. по 2022 г., размещенные на сайте Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел РФ, официальной группе «МИД России» в социальной сети «ВКонтакте» (расшифровки интервью, протоколы заседаний, прямые линии с Президентом, дебаты, записи выступлений), а также авторские тексты политического содержания (комментарии, блоги, посты, мемы), представленные на верифицированных страницах различных интернетресурсов – социальных сетей, телеграм- и youtube-каналов, СМИ и др. (общее число – более 2500 текстовых единиц).

Методологической и теоретической основой работы послужили исследования в области лингвистического описания феномена иронии (М. М. Бахтина, Ю. Н. Варзониной, И. Б. Голуб, Ж. Дюбуа, М. Н. Кожинной, М. П. Котюровой, С. О. Кьеркегора, И. А. Мельчука, М. А. Паниной, С. И. Походни, Р. Рорти, В. А. Серковой, И. Б. Шатуновского, К. М. Шилихиной и др.); по различным вопросам теории дискурса (Р. Водак, В. И. Карасика, О. С. Кубряковой, Е. И. Шейгал и др.), включая описание политического дискурса и политической коммуникации (Э. М. Афанасьевой, Н. А. Боженковой, Ю. В. Богоявленской, Э. В. Булатовой, И. Т. Вепревой, Д. Б. Гудкова, М. Р. Желтухиной, Н. Д. Голева, П. А. Катышева, О. Н. Кондратьевой, Э. А. Китаниной, С. В. Ионовой, Е. В. Кишиной, Н. В. Мельник и др.); лингвокультурологии и лингвосемиотики (Г. А. Агеевой, Р. К. Боженковой, Н. Ю. Ивойловой, В. Г. Костомарова, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, А. Т. Хроленко, В. М. Шаклеина, В. И. Шаховского и др.).

Отметим, что последние десятилетия представлено широким спектром работ, посвящённых способам выражения иронии в политическом дискурсе: см. работы С. Г. Биченко (2012 г.), Н. А. Боженковой (2016–2021 гг.), Р. Водак (2011 г.), К. А. Воробьевой (2007 г.), Н. А. Глазовой (2016 г.), Л. Б. Гнездиловой (2014 г.), С. С. Гурьевой (2001 г.), С. Ф. Денисова (2016 г.), О. П. Ермаковой (2006 г.), В. И. Карасика (2002–2020 гг.), И. Г. Катеневой (2008 г.), Л. А. Комарницкой (2016 г.), Е. В. Мартемьяновой (2007 г.), Ю. Н. Мухиной (2012 г.), И. А. Осинской (2007 г.), О. Я. Палкевич (2001 г.), О. Г. Петровой (2011 г.), М. С. Потеминой (2010 г.), И. А. Семенова (2007 г.), М. А. Слепцовой (2008 г.), И. В. Черданцевой (2014 г.), К. М. Шилихиной (2014 г.) и др.

В процессе решения задач научного исследования использовались следующие **методы и приемы**:

- описательный метод, используемый для прагматико-семасиологической характеристики политического дискурса;
- функциональный и стилистический анализ русскоязычных политических текстов, выявляющий особенности жанровой специфики политических практик;
- метод контекстуального анализа, состоящий в выделении прагматических «установок», заложенных в русскоязычных политических дискурсивных практиках, и характеристики когнитивных механизмов создания/восприятия иронического модуля высказывания;
- приемы критического и культурологического дискурс-анализа, предполагающие рассмотрение языковых компонентов политических текстов, формирующих рефлексию иронического кода высказываний;
- метод прагмалингвистического анализа коммуникативных актов, направленный на выявление кластера вербальных приемов и языковых средств, репрезентирующих иронический код высказывания на разных уровнях языковой системы;
- метод лингвокультурологических истолкований и описательно-логические приемы сопоставления вербальных единиц как репрезентантов иронического кода высказывания с их последующей таксономизацией.

В основу работы положена **гипотеза** о том, что *ирония*, будучи особым лингвокогнитивным феноменом универсума, в настоящее время приобретает статус лингвокультурного маркера современной российской политической логосферы, что не только существенным образом изменяет «классическую» ритуальную устроенность политических интеракций, но и формирует особую систему вербальных и композиционно-языковых средств выражения иронического кода, которые можно типизировать и таксономизировать на основании их доминантности и частотности представленности в актах политического взаимодействия.

На защиту выносятся следующие положения

1. Ирония есть мультисмысловая рефлексивная фиксация вариативности действительности, передающая мелиоративно-критический взгляд на мир и экземплифицирующаяся в акте коммуникации этноспецифичными вербальными/невербальными средствами. Являясь важнейшим компонентом парадигмы комического, ирония имеет особые категориальные признаки,

обусловленные асинхроническими парадигматическими отношениями между планом содержания и планом выражения, которые отграничивают ее от иных смежных явлений, при этом сама ирония представляет собой средоточие и одновременно центр прагматического разграничения двух глобальных типов комического (сатирического и юмористического).

2. Современный российский политический дискурс конституируется как особый тип институционально-персонального взаимодействия, где одновременно функционируют разнохарактерные дискурсивные практики, критерием разграничения которых оказывается продуктивность (первичность) / репродуктивность (вторичность) политической деятельности в целом. На этом основании выделяются системный политический дискурс, включающий трафаретный политический дискурс и дискурс политической пропаганды, и политический дискурс каузальной атрибуции, подразделяющийся на основании степени персонифицированности актора на дискурс идиомедийной рефлексии политической повестки и дискурс коллективной рефлексии политической повестки (как ответную реакцию общества на определенное политическое действие / событие / высказывание и системный политический дискурс в целом).

3. В основе лингвокогнитивных, лингвосемасиологических и лингвопрагматических механизмов создания и функционирования иронии лежит амбивалентная связь этнокультурного контекста интеракции и авторской иллюкутивной цели высказывания, создающая специфический лингвокультурный фон восприятия текстового поля, что в условиях дискурсивного (в том числе политического) взаимодействия (знаемости партиципантами пресуппозиционных параметров и статусно-ролевой рамки) генерирует не только новые имплицитные смыслы, но и иронический код.

4. Иронический код является многоуровневым семасиологическим ядром иронии как лингвокогнитивного феномена, вербальная репрезентация которого обуславливается конвергентным характером соединения знаковых единиц, принадлежащих к различным ярусам русской языковой системы. Лингвистические средства экспликации иронического кода организуют особый кластер, при этом сама ирония имеет разную силу воздействия, а способы ее оформления – различные прагматические характеристики. Рецепция иронического кода адресатом ограничивается/расширяется многочисленными дискурсивными и этнолингвокультурными параметрами (пропозициональными, хронотопическими, аксиологическими), однако адекватность рефлексии иронического кода возможна только в интерактивном (дискурсивном) взаимодействии.

5. Ирония как особое когнитивно-вербальное явление, семасиологически организованная изменением смежности смыслов или форм (вплоть до их несовместимости), имеющая многочисленные варианты репрезентации и представленная широчайшей палитрой языковых средств, «задает» вектор отношений между партиципантами интеракции с ироническим модусом и является средством определенной манипуляции общественным сознанием. Полифункциональность иронии как явления вызывает необходимую автору, единственно истинную в определенной дискурсивной практике реакцию, тем самым оказывается не только

коммуникативно-ценностной рамкой современного политического дискурса, но и неким культурным кодом взаимодействия властных структур и общества.

Научная новизна исследования заключается в полиаспектном изучении механизмов, способов и приёмов репрезентации иронии как конститутивной составляющей русскоязычных политических дискурсивных практик и определяется следующими результатами:

- выявлены и описаны категориальные признаки иронии как мультисмыслового вербально-когнитивного явления, актуализирующегося в высказывании/тексте вследствие неконгруэнтности содержательного и функционального планов и одновременного их «слияния» под воздействием ряда дискурсивных факторов;

- определено место иронии в общей парадигме комического и охарактеризованы способы ее сопряжения с другими языковыми феноменами (от юмора до сатиры);

- предложена таксономия дискурсивных практик русскоязычного политического пространства, базирующаяся на первичности / вторичности интеракции, выявлены функциональные параметры видов/подвидов политического взаимодействия как институционально-персонального типа коммуникации и описаны отношения их взаимообусловленности и корреляции;

- охарактеризованы лингвокогнитивные, лингвосемасиологические и лингвопрагматические механизмы создания и рефлексии иронии, основой которых является как асинхрония между смыслом текста и его формой, так и амбивалентная связь культуроспецифичных и аксиологических компонентов акта коммуникации и латентного авторского замысла, что в совокупности определяет иронический код высказывания;

- описана категориальная сущность иронического кода высказывания как семасиологического ядра, экзemplифицирующегося в акте коммуникации путем конвергентного «наложения» вербальных единиц, принадлежащих к разным уровням русской языковой системы, адекватная рецепция которого возможна только в интерактивном (дискурсивном) взаимодействии с учетом множественных лингвосоциальных и этнокультурных факторов;

- проведен комплексный компонентный и контекстуальный анализ политических высказываний / текстов с ироническим модусом, на основании чего классифицирована и охарактеризована система вербальных средств и композиционно-языковых приемов репрезентации иронического кода, при актуализации которых в дискурсивной политической интеракции создается сложноорганизованный композит, включающий разноуровневые языковые единицы и имеющий тем самым высокий воздействующе-манипулятивный потенциал;

- выделена и описана как самостоятельная категория *поликодовая ирония*, являющаяся ярким маркером дискурса коллективной рефлексии политической повестки, наглядно демонстрирующая совпадение оценочных позиций гражданского общества и, как следствие, оказывающаяся существенным инструментом современной российской политики;

- охарактеризованы и систематизированы лингвокультурные маркеры реализации иронии в рамках политического института современного русскоязычного

пространства, адекватная рефлексия которых детерминирует алгоритмы дальнейшего коммуникативного поведения членов социума.

Теоретическая значимость диссертации определяется синергией исследовательских позиций лингвокультурологии, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсологии и ряда других научных дисциплин, что позволило выработать комплексный подход к анализу, систематизации и оценке лингвоаксиологической значимости семантически амбивалентных разноуровневых вербальных конструкторов, маркирующих иронический модус русскоязычных политических текстов. Изучение и выявление способов организации и трансляции языковых (и иных знаковых) средств, эксплицирующих иронический контекст современного политического взаимодействия, и полученные результаты формируют системное представление о лингвокультурных характеристиках российского политического дискурса и расширяют научное представление о его функциональной устроенности в целом. Выявленные и систематизированные в исследовании данные и эмпирический материал исследования могут быть включены в общую парадигму описания лингвистических особенностей русскоязычных политических интеракций и служить базой для дальнейшего изучения когнитивно-коммуникативной устроенности политической логосферы.

Практическая ценность исследования обусловлена возможностью интегрирования его материалов и выводов в преподавание вузовских курсов по лингвокультурологии, прагмалингвистике, социолингвистике, лингвоаксиологии, семантике, общей теории дискурса, когнитивной лингвистике, в спецкурсы по проблемам политической коммуникации, теории речевого воздействия, а также в практические занятия по культуре межнационального речевого общения.

Достоверность результатов и выводов исследования подтверждается исходными методологическими позициями; широкой исследовательской и теоретической базой, учитывающей данные, накопленные отечественными и зарубежными учёными; использованием терминологического аппарата и научных методов, соответствующих целям, задачам и предмету исследования; последовательной аргументацией; репрезентативным объемом исследуемого языкового материала.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на 10 конференциях, в том числе на Международной научной конференции «Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территории приграничных с Россией государств» (Брянск-Новозыбков, 2017); на Международной научно-практической конференции «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте» (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, Москва, 2018); на III Международной научно-практической конференции «Учитель создает нацию» (Грозный, 2018); на XIV Международном фестивале «Великое русское слово» (Ялта, 2020); на VIII Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире» (Калининград, 2020); на Международном «Кирилло-Мефодиевский фестивале славянских языков и культур» (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, Москва, 2020); на Международном научном форуме «Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта»

(РУДН, Москва, 2020); на Международной научной конференции «Русский язык в современном научном и образовательном пространстве», посвященной 90-летию профессора С. А. Хаврониной (РУДН, Москва, 2020), на Международной научной конференции «Политика и культура: пространство игры» (Будапешт, 2020), Международной научно-практической конференции «XXXI Пушкинские чтения» (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, 2021).

Результаты исследовательской работы поддержаны РФФИ (проект № 19-312-90069, 2019–2021 гг.).

В процессе научной работы создана и зарегистрирована Федеральной службой по интеллектуальной собственности база данных «Политические дискурсивные практики в пространстве русскоязычной коммуникации» (Свидетельство о государственной регистрации № 2019622121 от 20 ноября 2019 г.; авторы Боженкова Н.А., Афанасьева Э.М., Каличкина Т.И., Катышев П.А., Котова Е.О., Пантелеева А.П.), представляющая собой систематизированный корпус научных, научно-исследовательских, энциклопедических публикаций на русском языке, посвященных современным подходам в исследовании политического дискурса и включающая в себя 1098 источников. Отдельные положения диссертации нашли отражение в научных отчетах по проекту РФФИ №18-12-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование» (науч. рук. проф. Н. А. Боженкова, 2018-2020 гг.).

По результатам исследования опубликовано 23 статьи, в том числе 8 опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки России (из них 3 – в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, 5 – в изданиях, приравненных к перечню ВАК при Минобрнауки России (индексируемых в МБД «Web of Science» и патент)) и раздел коллективной монографии «Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса» (под науч. ред. Н. А. Боженковой, П. А. Катышева. М., 2020).

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование общим объемом 238 страниц включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы и 4 приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, актуальность исследования, определяются объект, предмет, методы, цели и задачи работы, характеризуется научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность исследования, описывается материал исследования и структура работы, рассматривается её методологическая база, обозначается гипотеза исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Феномен иронии в современном научном освещении**» через призму античных воззрений и диахронического вектора развития гуманитарных наук в целом систематизируются положения и постулаты различных концепций и направлений, изучающих данное явление, проводится коррелятивный анализ научных позиций относительно категориальной устроенности иронии, формулируется

авторская дефиниция феномена иронии (1.1), определяется место иронии в парадигме комического и выявляются ее специфические семасиологические параметры (1.2), характеризуются принципы таксономизации различных типов/видов иронии, описываются сущностные признаки и критерии разграничения высказываний с ироническим кодом, устанавливается их прагматическая нагруженность и аксиологический потенциал (1.3).

Критическое осмысление широкого спектра научных работ¹ позволяет утверждать, что сложность определения сути и границ описания иронии связана как с многоаспектностью данного явления, являющегося точкой пересечения совершенно разных по методологическим «посылам» наук (от философии, поэтики, лингвистики до эстетики, когнитологии и психологии), так и с доминантностью различных научных интересов во многовековом процессе его изучения. Вместе с тем суммирование идей разных ученых убеждает, что основной целью ее создания является *передача истинного знания путём нескучного поучения*, основанного на противопоставлении своей и общепринятой (чужой) оценки происходящего и демонстрирующего особое авторское мироощущение, при этом значимыми компонентами иронии оказываются фигуральность, особое звучание, неоднозначность (метафоричность), которые не только обеспечивают принципиальную для иронии «украшательность», образность и запоминаемость речи, но и становятся конститутивными элементами *иронического кода* высказывания.

Иронический код как *семасиологическое ядро* и латентный смысл речевой конструкции, базирующийся на двойном кодировании, аллюзиях и др., может транслироваться единицами любого яруса языковой системы (фонетико-фонологического, лексического, синтаксического) и/или стилистического регистра (соединение разнородных текстуальных элементов, цитирование, включение прецедентных текстов, окказионализмов, пародий и др.), при этом осознание/понимание иронического кода адресатом ограничивается/расширяется многочисленными дискурсивными и этнолингвокультурными параметрами (от хронотопических, пропозициональных и аксиологических факторов до понятия нормы вербального поведения в данной конкретной ситуации и др.), что свидетельствует о *диалогической сущности* иронии. Диалогичность иронии не только предоставляет возможность адресату узнавать и «дешифровывать» иронический код, но и «задает» вектор отношений между участниками интеракции с ироническим модусом, оказываясь средством определенной манипуляции общественным сознанием.

Включение лингвопрагматического и лингвоаксиологического аспекта в изучение феномена иронии позволяет предложить следующую авторскую дефиницию: *ирония – мультисмысловая рефлексивная фиксация вариативности действительности, передающая мелиоративно-критический взгляд на мир и экземплифицирующаяся в акте коммуникации этноспецифичными вербальными/невербальными средствами*.

Принципиальным в этой связи оказывается особый статус иронии в рамках парадигмы комического, который связан не только и не столько со сложностью и многообразием способов экспликации иронического кода, сколько с функциональной

¹ Методологическая и теоретическая база исследования представлены на с.3, 5-6 АКД, библиографический список включает 215 работ российских и зарубежных исследователей.

нагруженностью иронии в отношении самой парадигмы: она представляет собой *средоточие и одновременно центр прагматического разграничения* двух глобальных типов комического – сатирического и юмористического.

Парадигма комического включает иронию как *важнейшую, но составную* часть общей системы и одновременно «вбирает» в себя все элементы, которые оказываются базисными при порождении иронического кода высказывания. Такая организация парадигмы обуславливает амбивалентность иронии, отличающей ее от иных типов комического: ирония может быть как самостоятельным явлением, так и опираться на какой-то или даже на какие-то типы категории комического¹. Соответственно, парадигматические отношения между иронией и остальными типами комического можно определить как взаимосвязь, но не взаимообусловленность (см. рис.1).

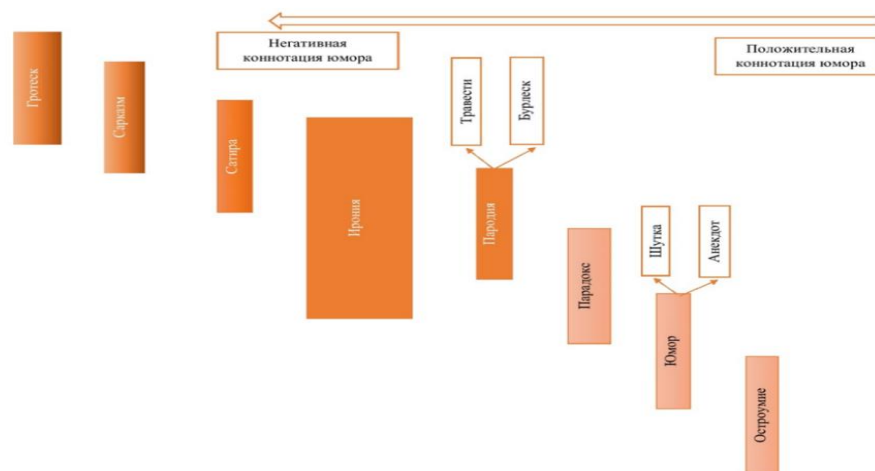

Рис.1. Парадигма комического

Ирония – ведущий конституент парадигмы комического, разграничивающий мелиоративность и пейоративность высказывания (текста/дискурса) по отношению к субъекту данного высказывания: «обобщая» в себя все элементы парадигмы, она членит ее на два противопоставленных блока – позитивный (т. е. утвердительный, юмористический) и негативный (т. е. социально авторитетный, негодующий, сатирический). Ирония комбинирует эти два типа комического, поскольку может базироваться как на сатирическом, так и на юмористическом типе комедийного отношения, где главным критерием отнесения к тому или иному «полюсу» является *рецепция этнокультурных маркеров языкового пространства*, напрямую зависящая от ценностных доминант универсума и их социальной оценки.

Рассмотрение иронии через призму оценочности обуславливает отнесенность данного явления к группе сублимированных оценок (связанных с культурным и этноментальным «началом» человека и характеристикой понятий «идеал», «норма», «мораль» и др.), успешность интерпретации которых напрямую зависит от того, носителем какой картины мира является автор и адресат высказывания, равноценно ли они оценивают ситуацию и т. д., что в свою очередь дает иные основания для «дешифровки» иронического кода и, как следствие, разграничения иронии,

¹ В то время как остроумие, юмор, парадокс, пародия, сатира, сарказм и гротеск оказываются явлениями изолированными и включать в себя иронию не могут.

представляющие собой три уровня (вида) прагматической пресуппозиции: текстовый (когда необходимо знать фрагмент текста или текст в целом); экстралингвистический (более сложный уровень, требующий широких фоновых знаний в разных областях); интертекстуальный (который предполагает наличие знаний общекультурного характера, а также погружённость в специфику конкретного исторического периода, на основании которых высказывание приобретает определенную иллокутивную силу и тем самым формируется «несерьезное» оценочное отношение к субъекту/объекту данного высказывания).

Данный факт, в нашей точки зрения, во-первых, определяет необходимость проведения в дальнейшем *двунаправленного анализа* (какие культурные доминанты организуют иронический код высказывания и одновременно – как, каким образом, через какие знаковые в широком смысле средства в иронии эксплицируются культуроспецифичные элементы, формируя тем самым языковую картину мира определенного этноса), во-вторых – актуализирует вопрос о таксономии различных видов/типов иронии.

Сравнительное изучение представленных в науке классификаций иронии свидетельствует как о расхождении взглядов различных ученых на критериальные основания разделения, так и об отсутствии единого метаязыкового аппарата (нередко описание способов экспликации иронического кода отличается лишь дефинициями, а не сутью). Вместе с тем систематизация материала позволила выделить основные подходы к таксономизации различных видов иронии (прагматический, риторико-стилистический, структурный, теория Д. Мюкке, главное отличие которых состоит в «объеме» объекта исследования: в одних случаях ирония рассматривается исключительно в контексте речи, в других – изучается каждое отдельное языковое явление, которое становится базисом иронического высказывания) и на этом основании разработать авторскую таксономию (см. рис. 2), демонстрирующую как фокус исследовательских позиций, так и многоярусность организации иронии как сложнейшего когнитивно-языкового явления, способы / приемы вербальной экспликации которого напрямую зависят от параметров конкретного типа / вида дискурса.

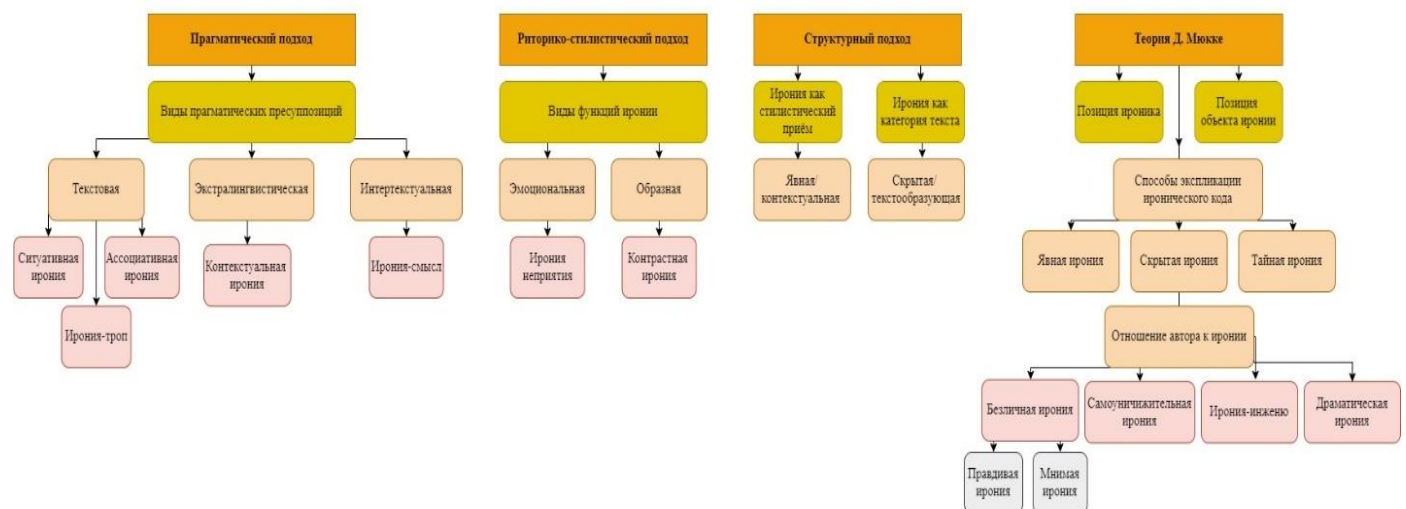

Рис. 2. Таксономия типов/видов иронии в современном языкознании

Во второй главе «**Феномен иронии в фокусе политического взаимодействия**» анализируется специфика социальных интеракций в контексте понятия «политика»: рассматриваются интегральные для современной политической коммуникации конститuenty, функции, признаки и предлагается авторская классификация политических дискурсивных практик как важнейшей разновидности институционально-персонального взаимодействия (2.1); выявляются и описываются этапы порождения и рецепции иронического кода высказывания (2.2); характеризуются лингвокогнитивные механизмы создания иронической модальности политического текста, анализируются причины неправильного декодирования вербальных конструкторов, детерминирующие коммуникативные риски политических интеракций (2.3).

Обобщая исследования, толкования и определения известных ученых [Боженкова, 2017, 2020; Водак, 2011; Ворошилова, 2013; Голев, 2017; Гудков, 2018; Желтухина, 2022; Ионова, 2019; Карасик, 2008; Катышев, 2019; Кондратьева, 2018; Кубрякова, 2005; Паршин, 1996; Стернин, 2004; Чудинов, 2020; Шаховский, 2008; Шейгал, 2004 и др.], считаем, что современный русскоязычный политический дискурс, характеризующийся чрезвычайно «диффузной» структурой (поскольку сегодня это одновременно и язык, как никогда «погруженный в жизнь», и контекст, и рефлексия общества по политическому поводу), следует квалифицировать как особый тип коммуникативного взаимодействия – *институционально-персональное образование*, главными функциями которого оказываются *порождение и восприятие смыслов*, стимулирующих развитие коллективного и индивидуального сознания представителей определенных социальных групп.

В этой связи наблюдается явное объединение ряда политических дискурсивных практик и одновременное их разделение на самостоятельные виды, у каждого из которых вычленяются свои особенности. Базисным критерием разграничения, с нашей точки зрения, оказывается *продуктивность/репродуктивность политической деятельности* в целом, что обуславливает возможность выделения *системного политического дискурса* (дискурса непосредственно политиков) и *дискурса каузальной атрибуции*, содержательно представляющего собой «пестрое полотно» рефлексии общества определенного политического действия/события/высказывания и др. (см. рис.3).

Системный политический дискурс в свою очередь делится на два подвида – *трафаретный политический дискурс* и *дискурс политической пропаганды*, – которые характеризуются различными целями, задачами, способами экспликации и реализуют разные функции, при этом объединяющим звеном оказываются «первичность» дискурсивных интеракций (именно здесь формируется политическая повестка и «задается» идеологическая направленность), тематический фактор и агенты/адресанты (спикеры). *Трафаретный* подвид политического дискурса направлен на коммуникацию исключительно внутри государственных организаций: его специфика детерминирована целевой аудиторией (исключительно политические деятели), типом интеракции (официальные политические мероприятия), способом передачи информации (доклады, отчеты, письменные документы). *Дискурс политической пропаганды* связан с реализацией ключевой функции политики – установления и

удержания власти в обществе, поэтому «создается» исключительно для общения с электоратом; он ориентирован на медийные ресурсы и потенциальных избирателей; его основные формы – всевозможные брифинги, интервью, публичные отчеты, прямые линии и т. п.

Дискурс каузальной атрибуции, будучи ответной реакцией и одновременно рефлексией дискурсивных практик пропаганды также включает в себя две группы (еще два подвида политического дискурса в целом): *дискурс идиомедийной рефлексии политической повестки* и *дискурс коллективной рефлексии политической повестки*, разграниченных на основании степени персонифицированности актора (который/-ые по отношению к системному политическому дискурсу оказываются адресатом (-ами) / клиентом (-ами)). Здесь объединяющим звеном оказывается «вторичность» дискурсивных интеракций, нередко совпадение оценочных позиций и, как следствие, схожесть лингвосемиотической и лингвопрагматической организации текстовых единиц. Специфическим признаком первого подвида оказывается авторство речевого продукта – осмысление и трансляция политических воззрений медийными лицами посредством личных YouTube-каналов или иных средств передачи информации большому количеству людей. Для второго подвида дискурса каузальной атрибуции характерна определенная фольклорность, отсутствие «закрепленных» площадок для реализации (даже хаотичность); представлен он многочисленными формами коммуникации – личными сообщениями, разными комментариями, перепиской в неофициальных группах, в социальных сетях и т. д.

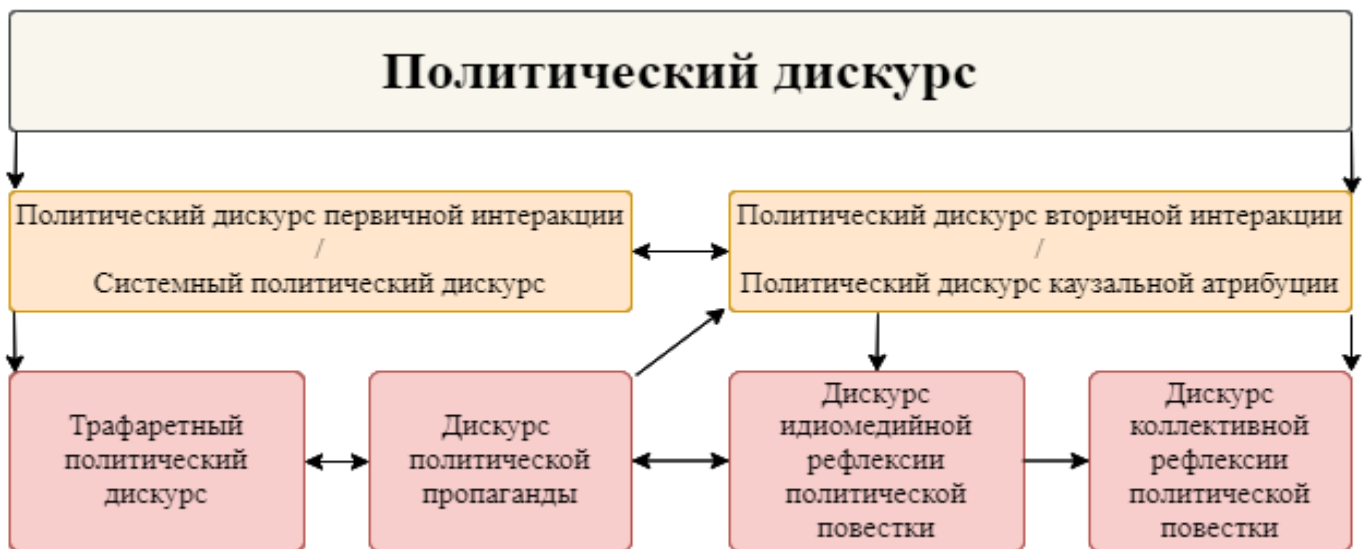

Рис. 3 – Классификация видов политических дискурсивных практик

Определенное «переструктурирование» политического пространства с выделением роли конкретного субъекта и формированием широкого «полотна» оценочной ответной реакции обусловило необходимость выбора акторов системного политического дискурса, чьи политические заявления / выступления оказываются неким «триггером» дискурса каузальной атрибуции.

Критериями данного выбора стали статистические параметры «медийной презентации» политика (количество подписчиков в различных социальных сетях;

упоминаемость имени в СМИ и др.), анализ рейтинга медийных изданий, основной контент которых составляют политические процессы и реалии (см. рис. 4, 5) и результаты социологического опроса (основной показатель – узнаваемость речевых продуктов политиков гражданским обществом; число респондентов – более 300) (см. рис. 6, 7). «Наложение» итоговых матриц стало основанием для выбора определенных дискурсивных практик и описания специфики тестовых единиц с ироническим кодом, представленных в современном российском политическом дискурсе в целом.

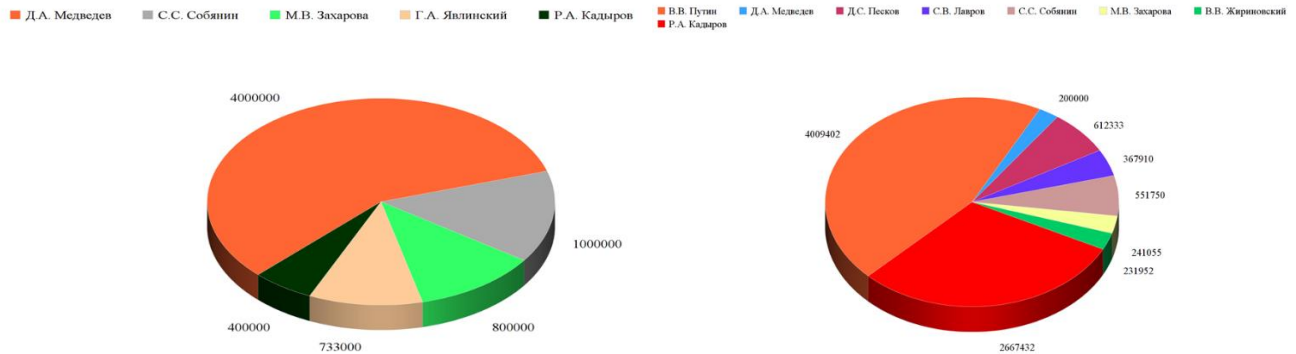

Рис. 4 – Количество подписчиков в социальных сетях у политиков

Рис. 5 – Количество упоминаний в СМИ – 2021

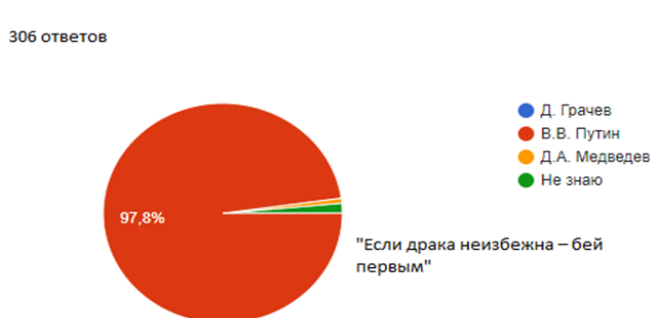

Рис. 6 – В.В. Путин

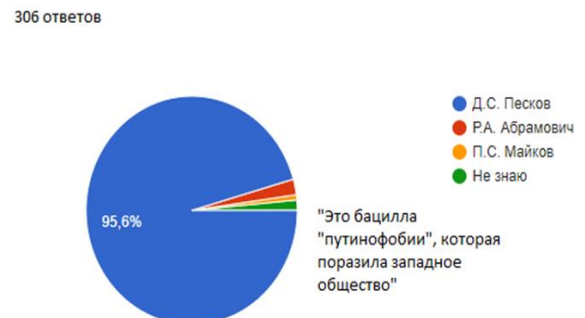

Рис. 7 – Д.С. Песков

Формирование и рецепция иронического кода выстраивается на асинхронии между смыслом текста и его формой, амбивалентности формы/содержания, на сочетании несочетаемого путем синкретизма вербальных единиц, принадлежащих к разным уровням языка, и даже нескольких знаковых систем, что и составляет семасиологическую сущность иронии и основу ее лингвопрагматических характеристик. Выявляемая в акте коммуникации «диспропорция» вербальных/невербальных знаков предоставляет обширные средства адресату для вычленения разнообразных семантических функций – как эксплицитных, так и имплицитных, поскольку при создании иронического кода автор намеренно скрывает прагматические цели, ведь само явление иронии и есть «сокрытие истины». Соответственно, иронический код представляет собой не только и не столько «свертку» истинного смысла высказывания, сколько «маскировку» автора, его образа, подлинных мыслей и т. д., что нередко дает намного больше информации об адресанте,

нежели прямое, истинное обозначение фактов. Варьирование же способов выражения может зависеть от автора, ситуации, типа текста, его генристической принадлежности и многого другого, что одиночно или в совокупности «отвечает» за порождение иронической модальности. Иначе, ироническая модальность – это вербальное проявление (*локутивный акт*) внетекстовых целей/задач (*иллокутивного акта*), которые предполагает решить автор, если слушатели или читатели верно интерпретируют его речь (*перлокутивный акт*).

Иронический код придает ассиметричному знаку добавочный контекстуальный смысл, который и есть вторичная номинация. Когнитивное содержание знака формируется через номинативное значение и контекстуальный смысл, который образуется в итоге синтагматической словосочетаемости. Двуплановость знака языка дает возможным рассуждать о *неконгруэнтности* нескольких языковых «пластов» – содержательного и функционального: содержательный пласт проще функционального, он омонимичен и в нем меньше единиц; функциональный же полиформен и многогранен. Контекстуальное «наложение» этих двух пластов приводит к созданию нового смыслового пространства, а иронический код в данном разрезе оказывается средством порождения акцессорных значений в предложении (см. рис. 8).

Рис. 8 – Этапы порождения и рецепции иронического кода высказывания

В политических интеракциях когнитивно-прагматический механизм создания / рецепции иронического кода оказывается аналогичным, но в силу «погруженности» всех участников коммуникации в «повестку дня» и собственных (не всегда совпадающих) пропозициональных установок ироническое высказывание может иметь совершенно иной перлокутивный эффект. Так, автор создает изначальный тезис в своей лингвосемiotической системе и одновременно «прочитывает» систему интерпретирующих шифров возможного реципиента (к ним могут относиться экстралингвистические факторы, такие как национальность, социальная роль / статус, уровень владения языком, знание прецедентных текстов и многое другое). В результате

осознания шифры перекодируются и ассимилируются семиотической системой адресанта в некоем «деформированном» варианте, при этом возможна утрата ряда семантических компонентов. Важно, что при всех семиотических изменениях, «смысловой конструкт» не меняется, а лишь подвергается перекодированию. Это *процесс создания* иронического кода. После этого иронический код транслируется и «переходит» в лингвосемиотическую систему реципиента. На этом этапе важно, чтобы иронический смысл корректно «сопрягался» с экстралингвистическими знаниями адресата, которые позволяют «распознать» смыслы, заложенные в него автором. С помощью данной перекодировки выявленный иронический код опознается и в свою очередь генерирует в сознании получателя тезис, на который тот и реагирует. Ожидания адресанта и реакция реципиента прямо пропорциональны эффективности рецепции иронического кода: если реакция слушателя совпадает с ожиданиями автора, то перлокутивный эффект иронии достигает 100%; чем больше разница между реакцией и ожиданиями, тем меньше процент эффективности. На совпадении *‘ожиданий и реальности’* базируется не только успешность иронического высказывания, но и сама сущность иронического кода.

В этой связи принципиальной оказывается и ситуация некорректного декодирования иронического кода – ироническое фиаско, которое обусловливается как «вмешательством» внешних факторов, не зависящих от коммуникантов (шумы, перебои вещания, опечатки и т. д.), «расхождением» у автора и реципиента экстралингвистических параметров (культура, религия, национальность, социальное положение и т. д.), когнитивным несоответствием (ироник строил ироническое высказывание на «столкновении» в картине мира ожиданий и реальности, но оказалось, что в картине мира адресата таких расхождений нет), так и намеренным избеганием адресатом понимания иронического кода (с целью перевести разговор на другую тему) и неправильной интерпретацией категории «образ автора», включающей в себя три «ипостаси» (производитель речи, субъект повествования и собственно образ автора) и являющейся «посредником» в передаче социальных, культуроспецифических, аксиологических и других суждений производителя текста.

Таким образом, многоярусность смыслов, определенное противоречие в логике высказывания, выявляемые при рефлексии иронического кода, формируют образ субъекта/объекта высказывания и отношение к нему, тем самым автор иронического высказывания становится неким манипулятором сознания своей аудитории, «вкладывающим» стереотипы относительно политических процессов/деятели (неслучайно иронический код в политическом дискурсе часто используется для дискредитации объекта), а сама ирония оказывается *языковым «посредником»* психологического воздействия на массы, что активно используется в политическом дискурсе – как в системном его виде (в первую очередь, в дискурсе политической пропаганды), так и в дискурсе каузальной атрибуции (в большей степени – в дискурсе идиомедийной рефлексии политической повестки).

В третьей главе **«Лингвокультурологический анализ способов репрезентации иронии в современном русскоязычном политическом дискурсе»** на основании разработанной классификации политических дискурсивных практик выявляются и описываются способы / приемы вербальной экспликации иронического кода в

системном виде политического дискурса (3.1) и в политическом дискурсе каузальной атрибуции (3.2), маркирующие как ироническую модальность интеракций, так и прагматико-семасиологическую трансформацию современного коммуникативного пространства; характеризуется и систематизируется кластер языковых средств выражения иронии, манифестирующих специфику лингвокультурной организации русскоязычной логосферы (3.3).

Комплексный анализ текстовых единиц, репрезентирующих специфику *системного политического дискурса* (см. рис. 9,10), убеждает, что в силу строгой иерархичности, институциональности, протокольности, присущей трафаретному виду системного политического дискурса в значительной степени, ирония практически не встречается (примеры единичны: 08.12.2015 г. Президент РФ В.В. Путин во время открытия заседания Президентского совета по развитию физкультуры и спорта подарил Министру спорта РФ В.Л. Мутко самоучитель английского языка со словами: *«У Виталия Леонтьевича Мутко сегодня день рождения, хочу поздравить его с этим событием. Поскольку Виталий Леонтьевич у нас занимается не только нашей деятельностью, не только наш футбол возглавляет, но и по международной линии активно функционирует, хочу подарить ему самоучитель английского языка»*, отсылая аудиторию к известному выступлению В.Л. Мутко 02.12.2010 в г. Цюрихе, которое получило «статус» прецедентного текста).

Однако анализ дискурса политической пропаганды демонстрирует «противоположное» отношение к иронии тех же политиков, которые при общении в рамках трафаретного вида политического дискурса практически «не прибегали» к ее использованию. При «переходе» политика в среду общения с журналистами количество вербальных практик с включением иронического кода резко увеличивается, что обусловлено необходимостью преобразовывать свои мысли в знаковую систему, понятную реципиентам, и, как следствие, влечет за собой смену регистров: с официально-делового общения политики переходят в более свободную, публицистически-разговорную тональность. Популярность иронии в данном виде дискурса объясняется значимостью реализации выделенных нами функций – суггестивности, диффамации оппонента, манипуляции общественным сознанием (что наиболее частотно во время избирательных кампаний) и возможностью использования нетривиального для политики жанра анекдота.

См. фрагмент публикации официального представителя МИД РФ М.В. Захаровой от 20.09.2021:

- «– Папа, а ты за кого в 2021 году голосовал?
- За коммунистов, сынок.
- Ты был коммунистом?
- Нет, я был либералом.
- А либералы за коммунистов?
- Нет, они категорически против коммунистов.
- А коммунисты за либералов?
- Нет, они категорически против либералов.
- А коммунисты какое место заняли?
- Второе.

– А либералы?
 – Никакое.
 – А зачем тогда ты за коммунистов голосовал?
 – Это было умное голосование.
 – А первое место кто занял?
 – Те, кто были против умного голосования.
 – Может, надо было тоже быть против умного голосования?
 – Нет, сынок, надо быть принципиальным и не изменять идеалам, в которые веришь»,

где семантически объединяется невербализованная диффамация протестного способа влияния на электорат («Умное голосование») и вербализованное (хотя и «завуалированное», так как название партии не фигурирует в тексте) возвышение победителей, членом партии которых является и М. В. Захарова.

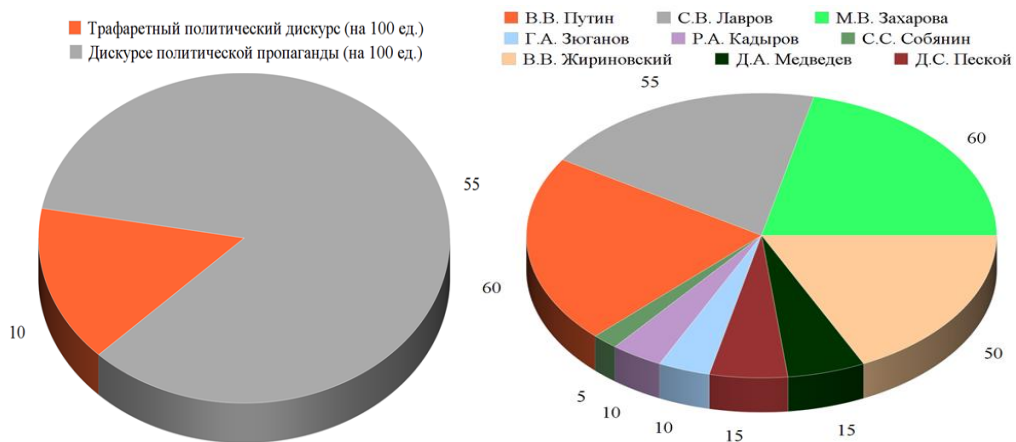

Рис. 9 – Экспликация иронического кода в политическом дискурсе первичной интеракции (системный политический дискурс)

Рис. 10 – Частотность использования высказываний с ироническим кодом политическими деятелями

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что в контексте системного политического дискурса высказывания с ироническим кодом включаются в выступления только теми политиками, которые занимают свою должность длительный срок, имеют значительное идеологическое влияние, значимый политический «вес», что подтверждается высокой степенью «узнаваемости» данных высказываний (В. В. Путин, С. В. Лавров, В.В. Жириновский, М. В. Захарова¹ и др.). Особо интересна корреляция соотнесения иронических высказываний в выступлениях Заместителя председателя СБ РФ Д. А. Медведева с их последующей социальной рефлексией: при том, что ирония встречается лишь в 10 его текстах из 100, данные высказывания чрезвычайно популярны в дискурсе каузальной атрибуции. Соответственно, частотность иронических высказываний в системном политическом дискурсе не имеет прямой пропорциональной зависимости с ответной реакцией СМИ и общества на выступления, заявления или действия политиков.

¹ Отметим, что (в отличие от коллег) М. В. Захарова использует высказывания с ироническим модусом в социальных сетях намного чаще, чем на брифингах или интервью.

Комплексный анализ текстовых единиц, репрезентирующих специфику *дискурса каузальной атрибуции*, свидетельствует об обилии речевых (и полисемиотических) конструкций с включением иронического кода, что объясняется, с нашей точки зрения, несколькими факторами: во-первых, ирония позволяет выражать общественное неодобрение имплицитно, во-вторых, иронический код передает эмоции автора, в-третьих, в рамках политического дискурса каузальной атрибуции отсутствует понятие «иерархии» и, как следствие, пропадает необходимость придерживаться официально-делового стиля коммуникации (см., например, высказывание в 2018 г. кандидата в президенты РФ К.А. Собчак: *«Сергей Нарышкин! Знакомьтесь, начальник службы внешней разведки, как говорят, одной из самых могущественных в мире. Находит время на что угодно, кроме разведки. На этой неделе, например, он написал огромную статью для “Российской газеты” о том, что “Российское историческое общество”, которое Нарышкин тоже возглавляет, будет участвовать в распределении бюджетных мест на исторические специальности. Хорошее дело для начальника разведки, ну, согласитесь»*).

Функции иронии в контексте дискурса вторичной интеракции могут варьироваться в зависимости от ситуации, однако выделяются три из них, наиболее часто встречающихся: (1) скрытое нападение на оппонента, выражение агрессии (ирония придает политическому тексту образность, яркость, он становится более запоминаемым и эффективнее воздействует на аудиторию); (2) языковое самовыражение политика / журналиста (передача личностного отношения к ситуации); (3) придание политической новости юмористического эффекта (наиболее часто проявляемая в интернет-пространстве).

В этой связи в качестве доминантного маркера политического дискурса каузальной атрибуции выделяем *поликодовую иронию*, экзemplифицирующуюся этноспецифичными вербальными и невербальными конститuentами в современных форматах коммуникации – интернет-мемах, интернет-плакатах, интернет-карикатурах и т.д., где базисом создания иронического кода становится цитирование, сопоставление нескольких текстуальных стилей, сравнение, применение прецедентных текстов, окказионализмов, пародий, что детерминирует уже двойное/тройное и пр. кодирование интенции автора и, соответственно, дает возможность истолковывать иронический модус вариативно (см. рис. 11-13).

Рис. 11

А теперь к важным вопросам

Как переехать в Россию, про которую рассказывают по Первому каналу?

Рис. 12

Рис.11 – знаменитый интернет- мем 2018 г., посвященный выборам Президента РФ, где в текстовом пространстве представлены все кандидаты, кроме В. В. Путина, В. В. Жириновского и К. А. Собчак. Конвергентное соединение не вполне известных избирателям фотографий с рядом стилистических фигур (парцелляцией, риторическим вопросом, риторическим обращением, отвествованием и мейозисом), усиливается паузированием (как интонацией парцеллирования) обеспечивает рецепцию иронической модальности текста, что «умалывает» достоинства кандидатов и тем самым формирует ироническое отношение общества не только к людям, изображенным в меме, но и к предстоящим выборам, их прогнозируемым результатам.

Рис. 12 соединяет в себе прецедентный феномен – кадр из мультипликационного фильма «Том и Джерри» – и риторический вопрос, содержащий аллюзию к информационным материалам проправительственных СМИ.

Рис. 13 представляет собой сюжетный интернет-мем, так как в нем есть зачин, кульминация и развязка – каждому этапу соответствует вопрос, символика страны и ответ школьника. Францию и Бразилию в полисемиотическом тексте символизируют их государственные флаги и географическое расположение, тогда как Россию – гиперболизированная ситуация (гротескный образ типичной русской пенсионерки, который отражает смекалку, смелость, нестареющую душу русского народа) и патристический школьника, невербально дающий читателю понять, что Россия – не просто место на карте, Россия – она в душе каждого. Отметим, что (при «внешней» незначительной представленности вербального компонента) семасиологический и риторический анализ позволяют вычленить множество языковых средств (акротеза, аллюзия, анадиплосис, анафора, антитеза, антиципация, вопрошение, геминация, гипотипоза, градация, заимословие, каламбур, остроумие и усугубление).

Рис. 13

Поликодовая ирония, в силу реализации функции некой «обратной связи» со стороны народа на действия властей является существенным инструментом политики. Умелое оперирование автора и адресата внетекстовыми знаниями, включающими культуроспецифические и ценностно-этические компоненты, приводит к тому, что иронический код становится более «выпуклым», а сама ирония оказывается не только и не столько языковым явлением, сколько аксиологическим феноменом, отражающим

как когнитивно-прагматическое отношение автора к ситуации, так и особую мировоззренческую позицию.

Результаты проведенного анализа дают возможность сравнить частотность использования иронических высказываний в дискурсивных практиках системного вида и идиомедийной рефлексии политической повестки¹. Налицо явное превалирование данного типа высказываний в дискурсе каузальной атрибуции, что, с одной стороны, было предсказуемо, с другой же – свидетельствует о том, что иронический контекст в большей степени «задается» снизу, а дискурс политической пропаганды в определенной мере оказывается «вторичным» по способам и степени выражения оценочных смыслов через иронический код (см. рис. 14).

Рис. 14 – Частотность использования иронических высказываний в системном виде политического дискурса / политическом дискурсе каузальной атрибуции

Таким образом, проведенный компаративный анализ знаковых (в широком смысле) компонентов иронических высказываний позволяет утверждать, что языковые средства экзemplификации иронического кода весьма многообразны. Это обусловлено не только категориальной сущностью иронии как комического приема и/или авторской манерой речепорождения, но и синтагматической организацией высказывания с ироническим кодом (где *сам способ конструирования оказывается значимым* для выделения эмфатического центра данного высказывания) и возможностью конвергентного соединения разнообразных вербальных знаков в рамках конкретной интеракции.

Кластер языковых средств, эксплицирующих иронический модус высказываний в рамках политического дискурса, включает в себя *четыре блока*, объединяющих различные языковые явления, имеющие корреляцию с уровневым строением русской языковой системы:

1. Группа фонетико-фонологических средств представлена *интонационной энантиосемией, интонационными конструкциями, не соответствующими семантике*

¹ Отметим, что специфика организации дискурсивных практик каузальной атрибуции не позволяет выявить процентное соотношение частотности использования высказываний с ироническим кодом у представителей двух его подвидов (дискурс идиомедийной / коллективной рефлексии политической повестки), поскольку (1) в отличие от системного, в дискурсе каузальной атрибуции авторы материалов, публикуемых в СМИ, и авторы интернет-мемов редко являются одними и теми же людьми, (2) определить «лидерство» конкретных авторов текстов с поликодовой иронией невозможно в силу их фольклорности, сиюминутности и явной спонтанности.

высказывания, фонетико-фонологической пародией (специфическим произношением), логическим паузированием, аллитерацией, ассонансом, звукописью (звуковой инструментовкой);

2. Группа лексико-семантических средств объединяет антропонимы (включая прием использования 'говорящих' фамилий), гиперболу, архаизмы, патетическую (возвышенную) лексику, гипотипозу, историзмы, метафору, синонимы, жанровые клише (речевые штампы), антонимы, омонимы, жаргонизмы, профессионализмы, диалектизмы, разговорную лексику, просторечную лексику, арготизированные конструкции, неологизмы, эпитеты, окказионализмы, олицетворения, каламбуры, параномазию, синекдоху, акротеизу, сравнения, парадокс, аллегория, фразеологизмы, паремию;

3. Группа лексико-синтаксических средств включает амплификацию, анадиплозис, анаколүф, анафору, антитезу, антиципацию, апосиопезис, геминацию, градацию, кольцо, концессию, литоту, мейозис, оксюморон, парцелляцию, перечислительные ряды, плоку, повтор композиционный, повтор лексический, синтаксический параллелизм, предложения с императивной модальностью, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, вводные / вставные конструкции, косвенную речь, умолчание, полиптотон, цитату, эпилемму, эпифору, многоточие, кавычки, смайлы/эмодзи;

4. Группа композиционно-языковых средств представлена авторской генерализацией, аллюзией, анекдотом, ироническим перифразом, афоризмами, ассоциацией, остроумием, гротеском, намёком, пародией, прецедентными текстами, завышением / занижением стилистического регистра, смешением стилистических регистров, собирательным ироническим образом.

Выявленная и описанная система вербальных средств и приемов репрезентации иронического кода в русскоязычных политических дискурсивных практиках стала основанием для разработки авторской классификации (см. рис. 15), тогда как количественный анализ данной системы позволил выявить частотность использования определенных вербальных компонентов и корреляцию разных групп языковых явлений в целом (см. рис. 16, 17).

Рис. 16 – Частотность использования языковых средств создания иронии в русскоязычном политическом дискурсе

Рис. 17 – Корреляция использования различных групп языковых средств создания иронии в русскоязычном политическом дискурсе

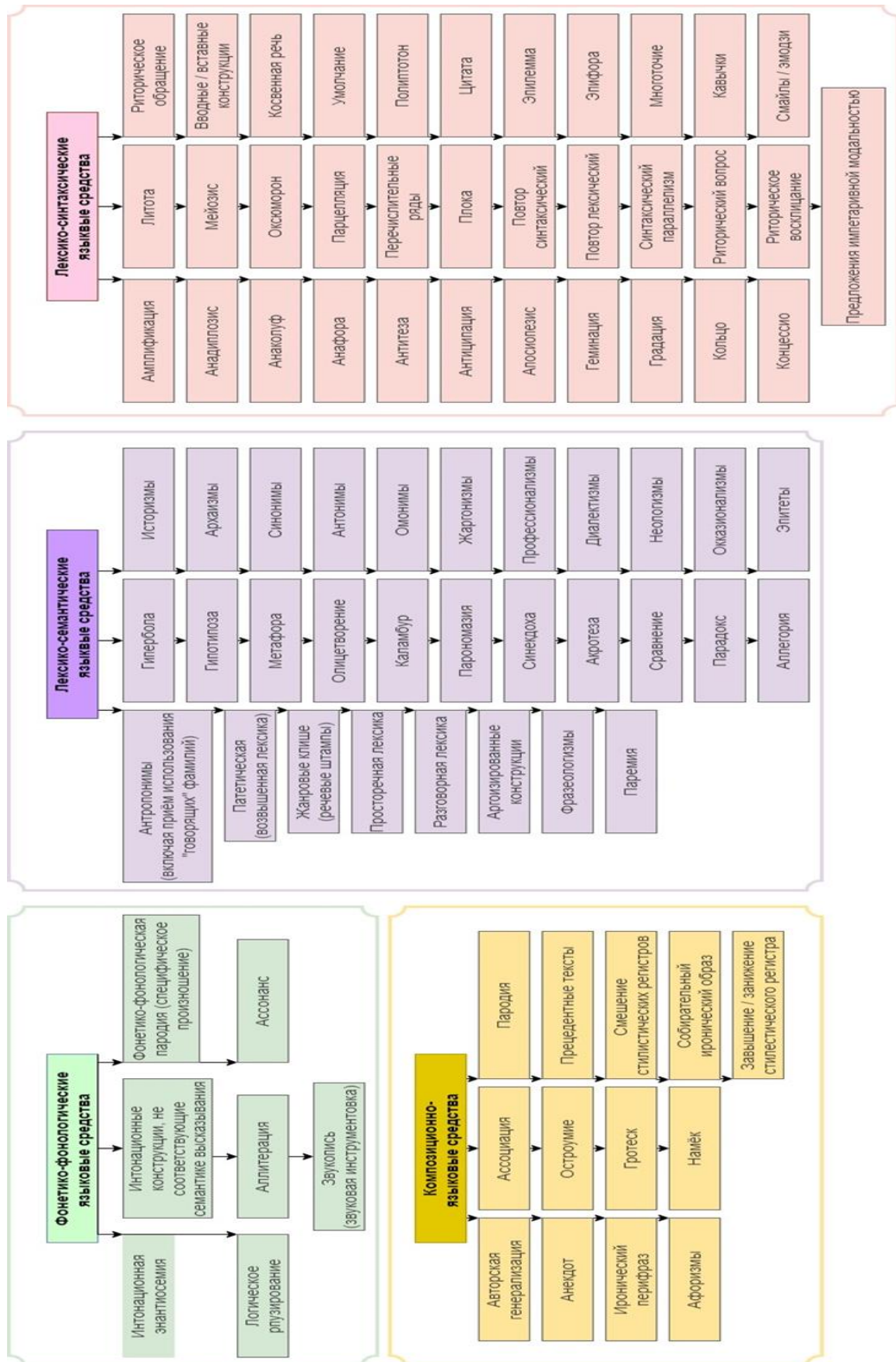

Рис. 15 – Классификация вербальных средств и приемов репрезентации иронического кода в русскоязычных политических дискурсивных практиках

Полученные данные дают основание утверждать, что наиболее эффективными средствами создания иронического кода высказывания являются языковые конструкции, относимые к лексико-синтаксической группе (*антитеза, риторический вопрос, градация, повтор (синтаксический/ композиционный) и цитирование*), однако их «полноценная дешифровка» обусловлена определенным акустико-артикуляционным и фонологическим «обрамлением» и композиционной структурой текста в целом.

Таким образом, «переходный» характер иронии, иллокутивная косвенность и нетипичность ее модели детерминирует высочайшую степень экспрессии в свернутой «упаковке», актуализирует процесс эмотивно-интеллектуального воздействия и тем самым обеспечивают успешную реализацию прагматической цели.

Будучи в своей основе, как правило, стилистической фигурой с вполне определенной синтаксической структурой, она в то же время является, как и классические тропы (метафора, метонимия и др.), формой эмотивно-художественного мышления, содержащей многоплановое приращение смысла в акте ценностно-идеологического освоения действительности. Более того, при идиомаркированной (авторской) экспликацией данного языкового знака акцентируются явления реляционного плана: сам характер, тип сцепления отрезков текста несет значимую семасиологическую и стилистическую нагрузку – мир, понимаемый через сопоставление / расширение неких разнородных понятий, а *prigori* многослоен. Конвергентность категориальных признаков иронии многократно повышает интерпретационно-воздействующий потенциал высказывания и тем самым обеспечивает специфическую институциональность политической практики.

Таким образом, ирония, представляя собой универсальное явление полифункционального характера, обладающее неограниченными возможностями реализации интенционального вектора высказывания, оказывается как способом выражения отношения к миру (зависимым от ментальных особенностей определенного этноса), так и способом отражения этого мира, что позволяет рассматривать ее (иронию) в качестве лингвокультурного спецификатора современного русскоязычного политического дискурса.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются основные результаты работы, намечаются перспективы его развития.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки России:

1. **Каличкина Т.И.** Языковые средства выражения иронии в современном российском политическом дискурсе // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 9. – С. 137-141. (0,58 п.л.).

2. Боженкова Н.А., **Каличкина Т.И.**, Пантелеева А.П. Тропофигуры как новые реалии текстов современной политической коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. Т.20, №2. – С. 57-73. (1,39 п.л.).

3. **Каличкина Т.И.** Лингвофилософские концепции изучения феномена иронии: диахронический аспект // Международный аспирантский вестник. – 2020. – №4. – С. 83-89. (0,81 п.л.).

Научные труды, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, приравненных к перечню ВАК при Минобрнауки России (индексируемые в международной базе данных Web of Science):

4. Bozhenkova R., Bozhenkova N., **Kalichkina T.** Structural and Content Parameters of the Model of Teaching Russian as a Foreign Language: the Stage of Speech Adaptation // Applied Linguistics Research Journal – 2021. - 5 (9). PP. 30-40. (0,58 п.л.).

5. Bozhenkova N., **Kalichkina T.**, Panteleeva A. Parceling As A Mechanism For Creating An Ironic Code Of Political Texts // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS – 2021/ - 115. PP. 125-134. (0,52 п.л.).

6. Bozhenkova R., Bozhenkova N., **Kalichkina T.** Tropofigure of Irony as a Linguocultural marker of the modern political logosphere // Revista Inclusiones. Volumen 7. – 2020. PP. 34-48. (0,81 п.л.).

7. Bozhenkova N., **Kalichkina T.** “Polycode” irony as a sign of modern media-political discourse // SHS Web of Conferences 88. LLT Forum 2020. PP. 1-9. (0,52 п.л.).

Научные труды, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, приравненных к перечню ВАК при Минобрнауки России (патенты):

8. Афанасьева Э.М., Боженкова Н.А., **Каличкина Т.И.**, Катышев П.А., Котова Е.О., Пантелеева А.П. Политические дискурсивные практики в пространстве русскоязычной коммуникации // Электронная база данных. – М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, – 2019.

Публикации в сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

9. Боженкова Н.А., **Каличкина Т.И.**, Пантелеева А.П. Российская политическая логосфера: новые текстовые реалии // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса. Коллективная монография. М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 102-117. (0,86 п.л.).

10. **Каличкина Т.И.** Ирония как способ манипуляции в политическом дискурсе // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах, Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. – 221-225. (0,23 п.л.)

11. **Каличкина Т.И.** ”Поликодовая” ирония как признак современного медийно-политического дискурса // Политика и культура: пространство игры. Сборник научных статей. Будапешт-Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-ПРЕСС». - 2020. – С. 194-201. (0,40 п.л.).

12. **Каличкина Т.И.**, Пантелеева А.П. Ирония и парцелляция как актуальные формы отражения действительности: к истории вопроса // Материалы ХХI Международной научно-практической конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Кирилло-Мефодиевские чтения». М.: ГосИРЯ им. А.С.Пушкина, 2020. С.158-165. (0,40 п.л.).

13. **Каличкина Т.И.** Имплицитное выражение образа автора в иронии // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (28–30 мая 2020 г.). Калининград: РА Полиграфычъ, 2020. - С. 222-228. (0,35 п.л.)

14. Боженкова Н.А., **Каличкина Т.И.**, Пантелеева А.П. Ирония и парцелляция как актуальные формы отражения действительности в политическом дискурсе // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сборник тезисов Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора С.А. Хаврониной. М.: РУДН, 2020. – С. 9-12. (0,17 п.л.)

15. Боженкова Н.А., **Каличкина Т.И.** Поликодовая ирония в современном медиаполитическом пространстве // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта: сборник научных трудов Международного научного форума, посвящённого Всемирному дню науки за мир и развитие. М.: РУДН, 2020 – С. 137-143. (0,35 п.л.)

16. **Каличкина Т.И.**, Пантелеева А.П. Легитимность власти как дефиниция политического дискурса: к проблеме трактования // Современная наука: проблемы, идеи, инновации. Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань, ООО ПК Астор и Я, 2020. – С. 126-133. (0,40 п.л.)

17. Катышев П.А., **Каличкина Т.И.**, Пантелеева А.П. Противодействие нелегитимным политическим практикам в образовательной среде с помощью педагогических методов// Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Учитель создает нацию». – Махачкала, Алеф, 2018. – С. 266-270. (0,23 п.л.)

18. **Каличкина Т.И.** Сравнительная характеристика объективации языковой иронии в политических дискурсивных практиках // Сборник статей Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. 2018. С. 171-175. (0,23 п.л.)

19. **Каличкина Т.И.** Ирония как важнейший конституент межнационального взаимодействия // Сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте». – Москва – 2017. С. 116-118 (0,06 п.л.)

20. **Каличкина Т.И.** Ирония как поликодовая характеристика межкультурного взаимодействия // Материалы Международной научной конференции «Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территории приграничных с Россией государств». – Брянск-Новозыбков – 2017. С. 128-133. (0,58 п.л.)

21. Боженкова Н. А., **Каличкина Т. И.** Ирония как репрезентант лингвокультурных особенностей русскоязычного политического дискурса // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты // материалы Международной научно-практической конференции. 2017. Издательство: Ремдер (Ярославль) – 2017. – С. 83-87. (0,46 п.л.)

22. **Каличкина Т. И.** Ирония как лингвокультурный маркер русскоязычного политического дискурса // Язык. Коммуникация. Культура. Альманах по материалам Первой международной заочной научно-практической конференции молодых ученых. – 2017. – С. 74-77. (0,17 п.л.).

23. Боженкова Н. А., **Каличкина Т. И.** Ирония как репрезентант идиоэтнической организации универсума// Новый взгляд на проблемы современного языкознания. Материалы VII Международной научной конференции школьников, студентов и аспирантов. – 2016. – С. 52-58. (0,46 п.л.)